

A portrait of Iosif Kobzon, a middle-aged man with dark, wavy hair, smiling. He is wearing a grey suit jacket, a white shirt, and a colorful paisley tie. The background is a soft, light-colored gradient.

Iosif Kobzon

Иосиф
КОБЗОН
Я сам себе судья

Иосиф Кобзон

Я сам себе судья

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25913207

И. Д. Кобзон. Я сам себе судья: ООО «Издательство АСТ»; Москва;

2018

ISBN 978-5-17-105545-5

Аннотация

«Я сам себе судья, и надо мной никто не властен... Я прожил очень интересную, непростую, но красивую жизнь. У меня в этой жизни есть все. Есть моя любовь, есть мое продолжение: мои дети, мои внуки. Есть мои песни, мои слушатели» – И. Д. Кобзон. Более 50 лет на сцене, выступления перед Сталиным, Хрущевым, Горбачевым, Ельциным – жизнь Иосифа Давыдовича Кобзона тесно вплелась в историю СССР и России. Именно поэтому его голос является голосом не одного поколения. Иосиф Кобзон – не просто самый титулованный певец отечественного музыкального Олимпа, депутат Государственной Думы, музыкально-общественный деятель, но и один из самых любимых артистов нашей страны. Уникальные фотографии из семейных архивов, повествование от первого лица расскажут о взлетах и провалах, успехе и перипетиях судьбы Иосифа Давыдовича, которые вряд ли кто-то мог рассмотреть за ослепительным светом софитов.

Содержание

Первые годы жизни	7
Война	12
Послевоенный период	18
Выступления перед товарищем Сталиным	25
Днепропетровск	31
Горный техникум	33
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Иосиф Кобзон

Я сам себе судья

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

«Я сам себе судья, и надо мной никто не властен»... Я прожил очень интересную, непростую, но красивую жизнь. У меня в этой жизни есть все. Есть моя любовь, есть мое продолжение: мои дети, мои внуки. Есть мои песни, мои слушатели.

Иосиф Кобзон

Я никогда не чувствовал себя особенным. У меня никогда не было ощущения, что я буду известным человеком. И, слава Богу. Это только мешало бы моему развитию. Вместе с тем я всегда хотел быть первым, понимая, что единственный для меня путь к лидерству – это научиться делать то или иное дело заметно лучше других.

Иосиф Кобзон

Иосиф Кобзон. Мой путь

Мой путь, моя судьба
Надежд ошибок и сомнений.

Мой путь, что выбрал я,
Я вспомнил вновь без сожалений.
Я жил, и сладок был
Соленый вкус аплодисментов.
Влюблялся и любил —
Это был мой путь.

Был час, когда упал
И надо мной звенела выюга.
Был день, когда узнал
Любовь врага и зависть друга.
Я шел, боль затая,
Смеялся я и горько плакал.
Промчалась жизнь моя —
Это был мой путь.

Припев:

Продлись, мой путь
На светлый миг,
На теплый дождь,
На птичий крик,
На нежный взор,
На вздох любви,
И музыку мою продли!
Я не жалею ни о чем —
Это был мой путь!

Мой путь, моя судьба,
дорога грез, тропинка счастья.

Я сам себе судья,
И надо мной никто не властен.
Пусть мир был так жесток,
А жизнь моя была прекрасна,
Дай Бог еще глоток —
Это был мой путь.

Припев:

Продлись мой путь
На светлый миг,
На теплый дождь,
На птичий крик,
На нежный взор,
На вздох любви,
И музыку мою продли!
Я не жалею ни о чем —
Это был мой путь!

Да, это мой путь...

Русский текст Ильи Резника

Первые годы жизни

У меня нет малой Родины. У меня есть одна Родина – это Донбасс! Большой и малой Родины не бывает. Есть одна Родина. Там, где пупок зарыт – там и Родина. Все остальное – фантазии.

Я родился 11 сентября 1937 года в городе Часов Яр, что в Донецкой области. И что для меня Часов Яр? Собственно говоря, я там не жил. Я только родился в Часовом Яре. Поэтому никакой осознанной жизни там у меня не было.

Да, уважаемый читатель, Часов Яр – это неотделимая часть моей жизни, моей памяти. Я счастлив, что там теперь есть улица, названная моим именем. И есть музей...

Я приезжал в Часов Яр с мамой. Я приезжал с гастрольями в Часов Яр. У меня есть воспоминания военного детства, когда семья вернулась в 1944 году в Донбасс, в город Донецк, тогда он назывался город Сталино. Потом были Славянск и Краматорск.

Но это все было потом. А жизнь для меня началась со слова. Этим первым словом было слово «мама».

Мама моя – Ида Исаевна Шойхет – 1907 года рождения. Она родом из местечка Деражня Каменец-Подольской губернии. В ее большой семье было четверо детей: она и три брата. У нее была очень непростая судьба, как, впрочем, и у всех женщин того поколения. Мама рано потеряла отца (он был

кустарем-одиначкой, умер в 1917 году, и семья оказалась в крайней нужде) и с одиннадцати лет вынуждена была зарабатывать, работая по найму. Была и батрачкой, и синеблузницей. По окончании специальных курсов работала мастером на деревообделочной фабрике в Проскурове. В двадцать два года вступила в ВКП(б). В январе 1930 года мама вышла замуж и вместе с мужем переехала в Славянск. Чтобы не сидеть на шее мужа, работала на Славянском изоляторном заводе, затем начальником АХО Славянского городского отделения связи, заведующей общим отделом Славянского горкома партии.

Мама моя любила меня. Любила больше всех. Потому что был я у нее самый младшенький. Это уже потом, когда в семье появился шестой ребенок¹ (сестричка Гела), Гела стала самой любимой. Самой любимой еще и потому, что была девочкой.

Мама никогда не звала меня по имени, а звала всегда: сынуля. И я любил ее. Очень. И всегда, всегда, до последних дней звал ее: мамуля. Она делала для меня все, что могла... Если оставалась одна конфета, то, конечно, сладость доставалась мне. Не стало у меня мамы в 1991 году.

Началась моя жизнь 11 сентября 1937 года. Смотрю я на эти, оказавшиеся для мира трагическими, цифры с высоты сегодняшнего дня. На календаре 2017 год! Смотрю и вспоминаю свое бедное, но все равно счастливое детство. Очень счастливое. Несмотря на то, что по нему прокатилась Великая Отечественная. Эта страшная война стала главным воспитателем моего поколения.

Родился я в небольшом городке. У нас их называют ПГТ – поселок городского типа. Меня часто спрашивают, не в честь ли Иосифа Виссарионовича меня Иосифом назвали? Ни в коем случае. В честь маминого дяди. Дядя Иосиф был адвокатом, и он очень помогал семье мамы, когда они осиротели.

¹ У Иосифа Давыдовича было два родных брата (Исаак и Эммануил), сестра (Гелена) и два сводных брата – Леонид и Григорий Рапопорт (примечание редакции).

Дальше семейные пути привели нашу семью во Львов. Перед самой войной, в 1940 году, мама стала там работать начальником спецотдела Обллеспромсоюза. Отец, Давид Кунович Кобзон, был служащим предприятия. Квартира наша находилась в доме напротив Дома офицеров, и оттуда часто доносилась музыка в исполнении духового оркестра. Но у нас была и «своя» музыка – патефон и несколько коробок с пластинками Лемешева, Руслановой, Шульженко... Я так любил их слушать.

Война

Я помню первый день войны, мне было три с половиной года. Мы в вокзальном помещении, полном народа. Благодаря маме, нас засунули в товарный вагон, дали уголочек на соломе.

На второй день после начала Великой Отечественной войны отец ушел на фронт, а мама с тремя детьми, со своим братом-инвалидом и со своей мамой, нашей бабушкой, отправилась в эвакуацию в Узбекистан. Конечным пунктом назначения оказался город Янгиюль.

Я, когда возвращаюсь к памяти детства, совершенно четко помню эту нашу эвакуацию. Помню этот вагон, переполненные станции. Я помню, как отстала мама... Она бегала за хлебом для нас и отстала от поезда. Помню, как все мы – и бабушка, и дядя, и братья, и я, как самый младший, – были в панике: пропала мама! А у нас всегда вся надежда была на маму. Но мама через три дня догнала нас «на перекладных» на какой-то станции. Так мы попали в Узбекистан, в город Янгиюль, в пятнадцати километрах от Ташкента.

Я с большой теплотой вспоминаю этот гостеприимный край. Мы жили в узбекской семье, в глиняном домике с земляными полами. Хозяева делились с нами всем. Конечно, жили впроголодь. Хлеб берегли пуще золота. Я по сей день ловлю себя на мысли, что не могу выбросить даже корочки.

С тех пор я больше всех продуктов люблю хлеб.

Мы все жили в одной комнате. Наши семьи разделяла только занавеска. Когда устраивались на ночлег, выкладывались тюфяки, и все ложились, что называется, штабелями. Так жили с 1941 по 1944 годы. Каждое утро взрослые поднимались на работу. Поднимали и нас, детей, чтобы покормить... Кормили в основном какой-то тюрей... И так, чтобы сытно было весь день. Варился так называемый суп. Мама моя была в этом деле находчивая женщина. Хозяйка. Она делала еду, казалось, из ничего. Все съедобное шло в ход: картофельные очистки, щавель, просто зеленые листья или какая-то кусачая лечебная трава, которую так любят есть собаки и кошки, когда им не хватает витаминов или нападает какая-нибудь болезнь. Этого наваристого бульона хватало всей семье на неделю. Каждый раз после завтрака кастрюлю с «тюрей» спускали в погреб. Потом поднимали, разогревали на керосинке, и мы обедали. Разносолов не было.

Иногда мама для бульона покупала свиную голову и свиные ножки. Вываривала их, и получался жирный бульон. Чистые, золотистые капельки жира в нем были такие, что текли слюни. Бульона хватало на всю выварку. А выварка была большая, алюминиевая. К субботе в этой же огромной выварке нас, детей, мыли по очереди. Потом в ней же кипятилось белье, чтобы избавиться от всяких насекомых.

Хлеба, по сути, не было. Лишь иногда нас, детей, баловали узбекскими лепешками. Но, в основном, заедали мы всю

эту тюрю жмыхом. Мы жили рядом с забором маслобойного завода. И вот там нам удавалось разжиться жмыхом, который делался из отходов семечек подсолнечника. Пахучий, до приятного головокружения, и такой твердый, что его можно было грызть бесконечно. Этот жмых был главным детским лакомством. Смешиваясь со слюной, он насыщал наши вечно желавшие есть желудки. А еще мы насыщались смолой, обыкновенной черной смолой. Мы жевали ее целыми днями. Ходили и жевали. Это была наша жвачка, наше лакомство военной поры. Жестокое время, что поделаешь...

Покормив, взрослые выгоняли нас гулять на улицу. И весь день мы проводили на улице. Гоняли с мальчишками по ней босиком, устраивая обычные пацанские игры, так что моим детским садом была улица. Не сказать, чтобы я тогда всегда был заводилой, но всегда руководил всем, как командир. Конечно, дрались. Но очень быстро мирились. И тем самым учились не держать друг на друга зла. Потрясающе добрый и гостеприимный узбекский народ останется в моей памяти навсегда.

Чтобы заработать денег, мама варила конфеты. Готовые конфеты пересчитывали и укладывали на «досточки». Эти «досточки» с лакомством висели в нашей комнате на веревках достаточно высоко. Но мы, дети, ночью потихоньку вставали и их облизывали. А утром мама, ни о чем не подозревая, везла эти конфеты продавать на рынке.

Потом жить стало немножечко легче: мама начала рабо-

тать начальником политотдела совхоза. До этого, на Украине, еще с Часова Яра она работала судьей. Это удивительно, но она стала судьей в двадцать два года, окончив до этого Харьковский юридический институт. Ей даже для этого пришлось немного «подправить» свой возраст (на самом деле, она была 1910 года рождения). Она была комсомолкой, ходила в красной косынке и дела вела всегда очень справедливо.

А теперь мы с братьями, как могли, помогали ей. Бегали на базар продавать холодную воду. С кружками. «Купи воду! Купи воду!» – наперебой кричали мальчишки. И в жару, под палящим узбекским солнцем, ее охотно покупали. Правда, за какие-то копейки. Конечно, мы зарабатывали мало, но все до копейки честно относили маме. Однако и это помогало нам жить. И мы выживали и... выжили.

Нас у мамы росло трое мальчишек. Не могу сказать, что она была ласковой и доброй, скорее – достаточно жесткой женщиной. Растила-то мальчишек. Потом нас стало четверо, Гела – единственная девочка – родилась уже после войны. Мама не только нас вырастила и воспитала, но и дала всем образование.

Два маминых брата – Борис и Михаил – не вернулись с фронта, пропали без вести. В 1943 году наш отец был сильно контужен и после лечения демобилизован. Однако к родным он не вернулся. В госпитале судьба свела его с одной женщиной, звали ее Тамара Даниловна. Прекрасная такая дама,

педагог. Короче, у отца образовалась новая семья, и он навсегда остался в Москве.

Как только Донбасс освободили от немцев (в сентябре 1943 года), мы тут же вернулись на Украину и поселились в городе Славянске. Жили в семье погибшего маминого брата Михаила, у жены его, у тети Таси, доброй русской женщины с двумя сыновьями.

У нас на всех было полторы комнаты. Полкомнаты занимала родительская спальня, а на другой половине мы все спали вповалку. Я очень любил спать на полу: на улице за целый день так нагоняешься, что придешь грязный, шлепнешься на пол и спишь, как убитый.

До 1945 года мы прожили у тети Таси. Там же, в Славянске, мы встретили День Победы. Как сейчас помню, 9 мая 1945 года. Я проснулся от жуткого крика в нашей коммуналке. А я знал, что такое крики в коммуналке, когда приходили похоронки. Но тут, открыв глаза, я увидел, что люди улыбаются, обнимаются и плачут одновременно. Я спросил у мамы: «Что случилось?» Она говорит: «Победа, сынок!»

Потом мы переехали в Краматорск, и мама устроилась работать адвокатом в Краматорской юридической консультации. Она была опытным юристом, очень аккуратным и ответственным, и потом долгие годы, даже уже в Москве, люди обращались к ней за советом. Более того, наш родственник, дядя Самуил, тоже адвокат, потом вел дело по наследству в Америке, и он обращался за советом к маме, и они выиграли

это дело, хотя мама явно не знала международного права.

Там же, в Краматорске, я пошел в школу. Все легло на мамины плечи. Бедная мама моя. Досталось ей горя! Но она все выдержала.

Послевоенный период

В Краматорске я пошел в первый класс мужской средней школы № 6, где проучился до шестого класса. Город был разрушен войной – отсутствовало отопление, у нас не было тетрадей, мы писали на обрывках бумаги, на газетах.

Как сейчас помню, конец 1945-го... Станным образом тогда мы учились: когда нужно было писать, худющие, но горячие, отогревали мы под рубашками чернильницы с замерзшими чернилами и писали между строк на газетах. Чтобы не стучать от холода зубами, сжимали губы. В классах стоял мороз, но не в силах он был заморозить наши души, которые после Победы горели такими страстями и такими мечтами, что казалось ничто на свете не сможет их погасить. Все это было. И я помню это. Помню! Я хорошо это помню... 6-я мужская средняя школа... Быков Леня, будущий знаменитый Максим Перепелица, учился в моей школе. Был он старше меня на два года. Но только позже мы обнаружили, что мы из одной школы!

Детство-то у меня было голоштанное. Я донашивал одежду за старшими братьями, и это было нормально. Лишь иногда мама покупала какую-нибудь шмоточку именно мне. На Новый год на елке красовалась всего одна мандаринка! Мы не спали всю ночь, несли вахту у елки, чтобы никто не соблазнился раньше времени и эту мандаринку не съел. Утром мама делила ее на дольки и раздавала детям. Такая вот появилась новогодняя традиция...

Первое пирожное в жизни я съел 7 ноября 1945 года. После демонстрации всем ученикам выдали по пирожному. Это был кусочек черного хлеба, на котором лежала конфета «сахарная подушечка». Хлеб я надкусил, полизал подушечку, и все отнес домой, поделиться с братьями, чтобы они тоже по-

пробовали. Я им разрешал только лизать эту конфету, чтобы они почувствовали сладкий вкус. Такая была жизнь.

Меня вот спрашивают: а вас в детстве дразнили или еще как-то делали вам плохо? Отвечаю: меня очень тяжело было обидеть, потому что я был таким, что мог за себя постоять. Говорят: это значит, если что – сразу в ухо или по зубам? Отвечаю: не так, чтобы сразу по зубам, но, во всяком случае, особых вольностей по отношению к себе я не допускал. У меня были дружки, с которыми я был, как три мушкетера: один за всех и все за одного. И в школе, и в пионерском лагере я всегда был первым. Так что ни у кого не появлялось желания сделать мне какую-то гадость.

Меня воспитала улица. К счастью, не злая. Я умел себя защищать, всегда был лидером, лучшим учеником в школе и никогда не обижал тех, кто слабее. Сколько себя помню – я всегда пел: во дворе, в художественной самодеятельности в школе.

А как мы проводили время? После школы – уроки, после уроков – улица. Гоняли матерчатый мяч – кусок мамино го чулка, набитый тряпками. Дрались, но только не кастетами, не ножами и не исподтишка. Если возникали конфликты – стенка на стенку, до первой крови.

Ничуть не жалею о своей молодости и о своем прошлом. Журналисты часто задают такой вопрос: «Не хотелось бы сегодня снова начать сначала, в этой жизни?» Я всегда отвечаю «нет». Я прошел непростой путь, но создал свою биографию,

мне ничего не страшно.

В 1946 году мама встретила по-настоящему хорошего человека – Моисея Моисеевича Рапопорта, 1905 года рождения. Она повторно вышла замуж. Он был фронтовиком, участвовал в страшной Сталинградской битве, и посидел там за один день. У него жена погибла в 1943 году, и осталось двое сыновей – так у меня появились два сводных брата. А вскоре, в 1948 году, к нам в семью пришла радость – появилась сестричка Гела. После этого она стала маминой любимицей.

Язык не поворачивается назвать Моисея Моисеевича отчимом. Я с гордостью звал его Батя, и я никогда не ощущал разницу в его отношении к «своим» и «не своим» детям. Абсолютно.

До войны он окончил торговое училище. С войны вернулся в возрасте сорока лет в звании подполковника (это значит, что хорошо воевал, ведь без военного образования такое звание присваивали редко). Работал очень трудно, с утра до ночи трудился, для того, чтобы нас прокормить. Я хорошо помню те годы. Мы небогато жили, но у Бати всегда была чистая выходная рубашка и пиджак, который он надевал, когда мы шли в гости. Мы все до конца дней безумно любили его. А он рано ушел из жизни, в 1970 году. Не хватило здоровья у бывшего фронтовика, чтобы жить. Воевать всю войну – хватило, а вот жить – не-а... Уже 47 лет нет его. Но во мне он по-прежнему... есть! Батя. Мой Батя!

Выступления перед товарищем Сталиным

Все когда-то происходит впервые. Мою первую учительницу звали Полина Никифоровна. Хороший человек. Как звать – помню. Навсегда помню. А вот фамилию забыл. У нее я научился писать и читать, рисовать и считать только на «пять».

А вот петь, пожалуй, научился сперва от мамы, а потом уже продолжил на уроках пения и в кружке художественной самодеятельности.

Тогда ведь никаких развлечений не было: ни дискотек, ни магнитофонов, ни телевизоров. Мама очень любила петь романсы и украинские песни. У нас стоял патефон и было множество пластинок. Мама пела, а я ей любил подпевать. Мы садились вечерами, зажигали керосиновую лампу и пели «Дивлюсь я на небо – та й думку гадаю: чому я не сокил, чому не летаю?...» Нравилась маме эта песня. И вообще волшебное было время. Керосин стоил дорого, его берегли и лампу зажигали, только когда на улице совсем темнело. Нас загоняли домой, и я с нетерпением ждал момента, когда мы с мамой начнем петь...

Это было какое-то завораживающее действо и зрелище. Тоску сменяла радость, слезы – веселье, когда пела свои лю-

бимые песни мама. И, вероятно, именно тогда я навсегда «отравился» пением. Песни стали моими «наркотиками».

Я пел в школе, пел со школьным хором на сцене городского ДК. Тогда не было смотров, конкурсов – были художественные олимпиады. И в десять лет я, как представитель Краматорска одержал первую победу на Всеукраинской олимпиаде художественной самодеятельности школьников, заслужив свою первую награду – поездку в Москву на ВДНХ СССР. И там мне удалось выступить перед моим знаменитым тезкой.

Дело в том, что на нашем концерте в Кремле присутствовал сам товарищ Сталин. Я пел песню Матвея Блантера «Летят перелетные птицы».

Короче, я впервые оказался в 1946 году в Кремлевском театре... Да-да, никакого Кремлевского дворца и киноконцертного зала «Россия» еще не было – только Колонный зал Дома Союзов. Он самым престижным считался, плюс два камерных, как и по сей день, – зал Чайковского и Большой зал Консерватории. Закрытый Кремлевский театр находился в здании у Спасской башни: как заходишь, сразу с правой стороны. И вот режиссер собрал нас всех там и сказал: «Сейчас начнем репетировать. Учтите: на концерте – строжайшая дисциплина, выпускать вас будут из комнаты только за один номер до выхода на сцену».

И мы все знали, что Иосиф Виссарионович Сталин может оказаться в зале. Нас предупредили: если вождь будет при-

существовать, то любопытствовать и разглядывать его не надо. Мне так и сказали: «На Сталина не смотри». Но это все равно что верующему приказать «не крестись», когда перед тобой храм или священник. Возможности присмотреться, однако, у меня не было: только спел песню «Летят перелетные птицы» – и за кулисы, а там мне сразу велели: марш в комнату!

На следующий день нас провели по музеям, показали Москву, покормили, посадили в поезд и отправили домой.

А второй раз я предстал перед Сталиным уже в 1948 году. Опять-таки как победитель республиканской олимпиады я выступал в том же Кремлевском театре, и та же картина: ничего нового, только песня Блантера другая уже была – «Пшеница золотая». Я в белой рубашечке с красным галстуком вышел...

На сей раз я Сталина разглядел, потому что нас небольшое расстояние разделяло, но с перепугу – бросил молниеносный взгляд и сразу перевел его в зал. Как сейчас помню: с улыбкой на лице он сидел в ложе с правой, если со сцены смотреть, стороны и мне аплодировал. Рядом с ним сидели Молотов, Ворошилов, Булганин. Берии и Маленкова не было. Я видел Сталина только со сцены, когда пел. Ложа находилась метрах в десяти от меня.

Когда нам сказали, что будет Сталин, мы испугались выступать. Не потому, что боялись Сталина, а опасались, что, как увидим его, так язык, ноги и руки перестанут слушаться, и мы вообще выступать не сможем. Тогда не было при-

нято записывать фонограммы, как это делается сейчас по принципу «как бы чего не вышло», чтобы, не дай Бог, что-то непредвиденное не произошло при президенте, на случай, если кто-то слова забудет или, что еще хуже, что-то лишнее скажет... Тогда, слава Богу, было другое время. Все должно было быть настоящим. И поэтому мы, чтобы не ударить в грязь лицом, все тщательным образом репетировали. Прогон концерта шел по нескольку раз, но мы все равно жутко волновались...

Я пел, и Сталин слушал меня. Я не смог долго смотреть на него, хотя очень хотелось. Помню, успел разглядеть, что был он в сером кителе. Я спел и поклонился, как видел кланяются в кино любимому царю. И поклонился уважаемой публике. Я спел и имел большой успех. Спел и на ватных детских ногах ушел за кулисы. Спел самому Сталину!

Так начиналась моя певческая карьера. Я был еще маленький и толком не понимал, что такое «вождь всех народов». Его звали Иосиф. И меня мама моя назвала Иосифом. Я думаю, остальным выступавшим, кто был постарше, было намного сложнее. К сожалению, в подробностях я не помню, как реагировал на мое выступление Сталин. Поскольку не помню, не хочу рассказывать, что он кричал «браво», поддерживая нескончаемые аплодисменты, или одобрительно улыбался мне... Сейчас я бы мог сказать, что угодно, но не хочу соврать.

А вот хорошо помню, как за год до этого, приезжая в Москву, тоже на смотр художественной самодеятельности, я 1 мая на Красной площади участвовал со всеми в демонстрации перед Мавзолеем. Помню, как все мы с восхищением смотрели на руководителей партии и правительства, которые организовывали и вдохновляли великую победу над фашизмом, и особенно во все глаза глядели мы на нашего героического, но такого простого вождя. Все это я хорошо помню. И еще навсегда остался в памяти салатового цвета занавес в Кремлевском театре.

Вот написал это и подумал: а ведь мне довелось жить

при всех советских и послесоветских царях, кроме Ленина... Сколько их было? Сначала Сталин, потом Маленков, Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев, Ельцин, Путин, Медведев, снова Путин. Господи, неужели я уже такой старый...

Кстати, а песня Блантера мне тогда здорово нравилась. «Летят перелетные птицы в осенней дали голубой. Летят они в жаркие страны, а я остаюсь с тобой...» Пел я ее от всей души: в Донецке, а потом и в Киеве, и в Москве. Когда через какое-то время показал врученную мне грамоту Матвею Исааковичу, старый композитор расплакался.

И еще один важный для меня момент. Когда мне как певцу-победителю украинской олимпиады дали путевку в Москву, мама сказала: «Если хочешь, повидайся с отцом». И я повидался. Однако его отношение к маме и мое благодарное отношение к отчиму, к Бате, сделало наше общение совсем формальным. Он отвел меня, как сейчас помню, в Детский мир на Таганку. Купил мне какой-то свитерок, еще что-то купил. Я поблагодарил. А он сказал, что у него завтра будет хороший обед, и чтобы я приходил. В ту встречу я узнал, что у него в новой семье уже два сына подрастают.

Днепропетровск

В 1951 году наша семья переехала в Днепропетровск, где до 1957 года мы снимали 2 комнаты у отставного полковника в одноэтажном домике по улице Димитрова, 16.

В домовоей книге наша фамилия писалась через букву «п»: Копзон. Буква «б» появилась в ней, когда я получал паспорт. Почему? Да потому что Кобзон происходит от украинского слова «кобза», означающего струнный музыкальный инструмент...

Кстати, красивая могла бы получиться легенда, если еще вспомнить великого кобзаря Тараса Григорьевича Шевченко. Но нет, не получается. Скорее, если не обращать внимания на букву «б», случайно заменившую букву «п», то происходит фамилия от слов «коп» и «зон». А они, по-еврейски, насколько я понимаю, значат «голова» и «сын». Стало быть, «голова сына».

Два года я проучился в школе № 48, и я там был отличником. Собственно, я всегда был отличником, хотя и страшным хулиганом.

Мама была очень строгой. Она не прощала многие вещи. Например, сказала: «Быть в одиннадцать дома», значит, надо быть в одиннадцать. В первый раз можно было отделаться легким внушением, но если это повторялось, мама брала в руки веник. И хотя била она не больно, но почему-то

на всю жизнь запоминалось. Значит, мамин метод был правильным. Помню, однажды не послушался я маму, вернулся поздно домой с гулянки и обнаружил, что дверь закрыта: мол, гуляешь – ночуй на улице! И я сидел на крыльце, ждал, когда мне, наконец, откроют.

Семилетку я окончил в Днепропетровске, на отлично окончил (у меня была только одна «четверка» по поведению), однако золотую медаль так и не получил. А все дело в том, что в 1952 году мне пришлось забрать документы из школы и поступить в Днепропетровский горный техникум.

Горный техникум

Почему именно в горный? Мы жили тогда очень скромно. Нет, мы никогда не были голодными, но я все равно решил, что пора самому зарабатывать на харчи. Я никогда не увлекался горным делом, но в то время горняки получали весьма серьезные деньги. И я решил заняться горным делом.

Поступив, получил стипендию. И тут произошла незабываемая история. Я побежал быстренько в магазин и, купив на первую стипендию маме клеенчатый ридикюль (такую сумочку женскую), вложил в него первый свой бумажный рубль. Но прежде, чем подарок дошел до мамы, меня перехватили мои сокурсники. А в техникуме тогда учились и ребята после армии, и бывшие шахтеры, и даже фронтовики, понюхавшие пороху. Одним словом – во всех отношениях самые настоящие мужики со своими, уже сложившимися, привычками. Ну, и как они могли упустить такой случай и не обмыть мою первую стипендию? И вот затащили они меня в какую-то забегаловку и заставили совершить акт посвящения в шахтеры. Заставили меня, пацана (а мне было тогда пятнадцать лет), выпить стакан водки, чего я до этого никогда не делал. Я сперва отказался. Как не захотел когда-то сделать наколки, которые считались признаком настоящего мужчины. Но мне сказали: «Ты просто боишься! Ты еврей! Ты испугался». И тогда я сказал им: «Ах так... Ну-ка, давайте!» В результате, на моих руках и плечах появились «мужественные» следы иголок. Сейчас я их все свел, одну только оставил. Но тогда «раскололся». Как пришлось «расколоться» и при посвящении в одну из самых мужественных профессий... Я сказал: «Я не пью водку!» А они сказали: «Ну, какой же ты шахтер, если не пьешь водку? Ты должен выпить хотя бы в честь посвящения».

И тогда я выпил целый стакан... и отключился... Больше ничего не помнил.

Но они оказались молодцы, они меня не бросили. Они меня на руках занесли в трамвай, довезли до дома и сбросили маме. И когда я оклемался, я еще получил порцию. Веником! Такой была моя первая водка. А ридикюль, купленный с первой стипендии, они передали маме. И она хранила его всю жизнь. Хранится он и сейчас, у сестры, с тем самым моим первым бумажным рублем.

Кстати, не буду лукавить, трезвенником я потом никогда не был. Но мне было вполне достаточно сто граммов в дружеской компании или после концерта для снятия напряжения. А теперь не пью вовсе – не потому, что такой правильный и хороший, а потому, что здоровье не позволяет. Не надо ханжествовать. Как говорил Горький, пьяниц жалею, а непьющих боюсь.

Мой старший брат Исаак не был в армии, так как у него было очень плохое зрение. Он потом уехал в Москву и стал учиться в педагогическом училище. А средний брат учился в техникуме, а потом пошел в армию. Леонид, старший брат по отцу, решил связать свою жизнь с армией, поступив в летное училище, а второй брат по отцу Григорий работал и одновременно учился в техникуме. Я же – в горном техникуме с четырнадцати лет. Отводил Гелочку в детский сад и пулей летел на трамвай, чтобы успеть к началу занятий.

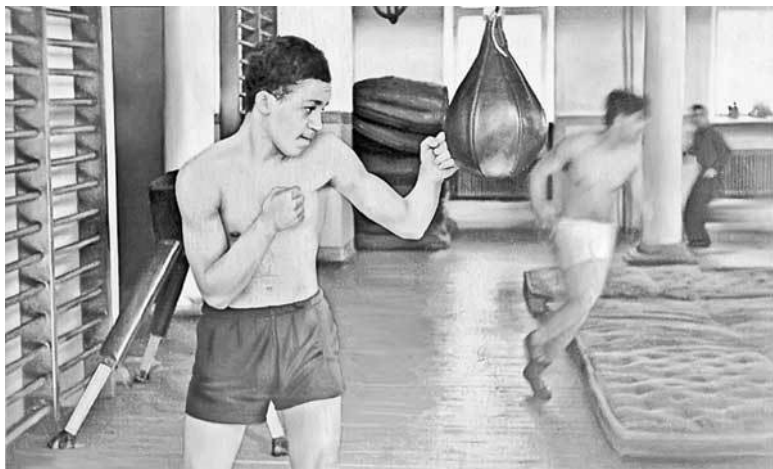
Мама в это время занималась хозяйством: она ушла с работы, так как Гелочка много болела. Это было непросто: вода во дворе (ее приходилось носить ведрами), печка, керосинка... И утюги тогда были не электрические... И стирать приходилось во дворе... Никто из нас не садился за стол, пока Батя не возвращался с работы – это было железное правило. Мыли руки, садились к столу, в центр ставилась кастрюля. Первому наливали борщ Бате. Каждый вечер по традиции был общий ужин.

Вскоре старший брат Исаак женился на девушке из подмосковного Пушкино и ушел из семьи (там, в Пушкино, он прожил всю жизнь, работал инженером на заводе). А первым женился Гриша. Зато вернулся Леня – ему пришлось уволиться из армии из-за того, что он дал по физиономии одному офицеру за слово «жид». Он потом тоже женился, а Эммануил вернулся из армии и затем всю жизнь проработал в КБ имени академика Янгеля (их с женой уже нет).

Понятно, что горный техникум не был моим жизненным призванием, просто, как я уже говорил, в то время шахтеры, горняки, буровики хорошо зарабатывали. А мы жили достаточно скромно, и я чувствовал ответственность за всю семью.

Кстати, в годы обучения в техникуме, хоть художественная самодеятельность и оставалась моей стихией, я серьезно занялся боксом, стал чемпионом Днепропетровска среди юношей и выиграл чемпионат области. Помню, первый свой

бой я выиграл. Потом выиграл второй. Выиграл третий. Выиграл и четвертый. Ну и... меня понесло, словно я непобедимый. Однако пятый бой уже в первом раунде закончился для меня нокаутом. Да-а-а. Я, как дурак, вознесся оттого, что выиграл четыре боя. И вот дальше оказалось, что нет мне соперника по весу. Есть соперник меньше меня по весу на категорию, но выше меня разрядом. Да к тому же левша. И хотя я с левшой никогда не работал, я сказал: «Какая проблема? Я согласен». И вышел на ринг. И он меня тут же нокаутировал, чтобы я больше не воображал, что 1 м 81 см роста, 70 кг веса и дурную силу можно противопоставить лучшим знаниям и умению. Бокс – как жизнь – не тот случай, когда если сила есть – ума не надо! Было у меня всего 18 боев, и четыре из них я проиграл...

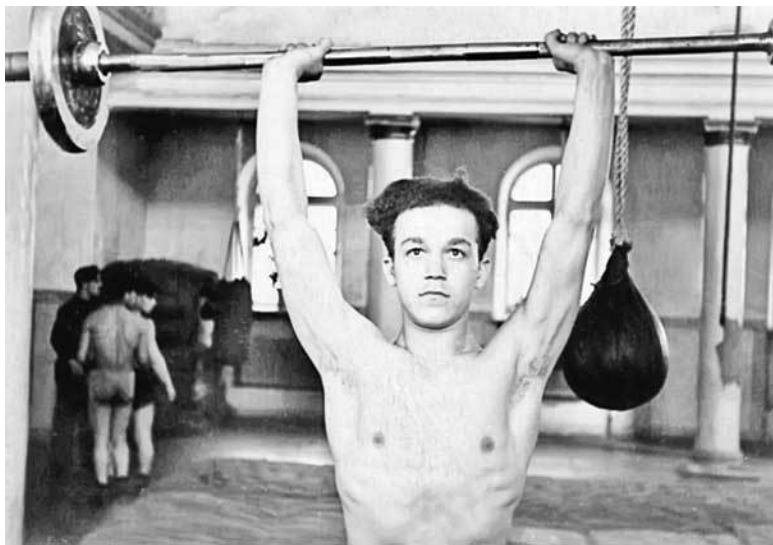
Конечно, то было мальчишеское увлечение. Надо же было куда-то тратить свою уличную энергию! Это счастье, что тратили на здоровье. Мы же были лишены всех тех благ, которые в изобилии имеют сегодня молодые люди. Телевизор, дискотеки, компьютеры. Зато были школа, самостоятельность, улица и, конечно, спорт.

Бокс – это вид спорта, который предполагает преодоление себя, упорство и труд. Но вообще-то я противник физических разборок. Зачем выяснять отношения физическим путем, если можно договориться?

К семнадцати годам я уже был достаточно взрослым юношей, потому что условий для баловства у меня практически не было. Учился, серьезно занимался спортом, а вечерами (в

отсутствие увеселительных заведений в сегодняшнем понимании) мы ходили по проспекту Маркса. Бездумно ходили от Карла Либкнехта до Садовой. Это был у нас такой променад. Ну, с девушками, конечно, ходили. Держась за ручки. Тогда другие были взаимоотношения. Мы дружили. Мы не говорили: «Я с ней сплю». Или: «Это – моя». Мы говорили: «Мы дружим». «Дружим» – это означало, что мы вместе ходим в кино, вместе гуляем по бульварам. А на бульварах... Как сейчас помню, как мы, мой сокурсник Жора Чебаненко (он на гитаре хорошо играл) и мой друг Володя Магилат, ходили на бульвар. Пели. Нас уже знали. Собиралась молодежь. Мы рассаживались на лавочках и пели любимые песни.

Жаль, что я не играл на гитаре. Очень об этом жалею. А почему не научился? А черт его знает. Я всю жизнь мечтал научиться играть на гитаре и выучить английский язык. И ни то, ни другое не осуществил.

Я часто увлекался, еще со школы. Но это были чисто платонические увлечения. Мне очень нравилось ухаживать за девушками, мечтать, вздыхать, петь им серенады. А моя первая любовь Дина Лацикова училась в горном техникуме. Потом я ушел в армию, оставив невесту. Только она меня не дождалась, вышла замуж за офицера и переехала в Подмоскowie. Сама мне побоялась написать, я узнал эту новость от друзей. Конечно, сильно переживал. У нее родился сын Андрей. Прошло время. Она рассталась с мужем, мы виделись после этого, но все к тому времени уже изменилось.

Интересная у нас тогда была жизнь. Любили смотреть с

девушками кино в летних кинотеатрах. Трепетали даже от одного их взгляда, но не тащили девушек сразу в койку. Теперь люди, особенно молодые, очень много теряют от того, что делают это сразу. Многие сейчас даже не представляют, что такое дрожь при первом поцелуе. А с чем сравнимо ожидание близости, они вообще не знают. Жаль их, обворованных и ограбленных так называемой сексуальной революцией. Вместо человеческих чувств подсунули им животные ощущения.

А еще помню, однажды мне здорово попало от Бати. Закурил я на первом курсе техникума, в четырнадцать лет, и Батя буквально поймал меня за руку. Я быстро спрятал бычок в кулак, а он так сильно сжал мою руку, что я от дикой боли заорал. А он сказал: «Сынок, никогда не прячься, не обманывай. Ты решил курить? Лучше не кури. Но если уж решил, не надо прятаться. Кури открыто, не унижайся». И знаете, эти уроки я запомнил навсегда.

В 1956 году я окончил Днепропетровский горный техникум. Закончив обучение, я взял направление в Воркуту. И поехал, если бы в том году меня не призвали в армию, в так называемый «целинный набор».

Тогда я работал в Никитовке, потом – в Горловке. Я знаю, что такое шахтерский труд. А что тогда творилось в День шахтера и День города в Донецке! Обязательно футбольный матч с участием команды «Шахтер». На площади Ленина всегда собирались карнавалы шествия... Какой праздник

был! Круглосуточный. Помню, я ночью выходил на Артема – в два часа, в три часа ночи – народ гулял, народ неистово радовался этому празднику... И каждый раз в эти дни я приезжал на шахту имени Засядько к Ефиму Звягильскому, и каждый раз мы вместе с шахтерами отмечали этот день.

Не только Украина, но и Россия чтит и помнит его. День шахтера отмечают и в Кузбассе, а там нет разницы – шахтеры это или металлурги, это даже не профессия, а «национальность». Они – братья, они – настоящие патриоты своего труда. Им нужно кланяться, потому что их труд – самый опасный, самый тяжелый. И я рад, что могу сегодня хоть как-то поднять настроение моим братьям, моим землякам.

Да, я рос не в простой среде. Все-таки в Горном техникуме, где я учился, обучались в основном фронтовики, которые прошли суровую школу войны и всему знали цену. Ценили людей по их качествам, а не по национальности. Они в эти «игры» не играли сами и не допускали ничего подобного со стороны других. Ни-ког-да!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.